

Анастасия Вербицкая

Ночью

Анастасия Алексеевна Вербицкая

Ночью

Аннотация

«Тихая, тёплая и тёмная июльская ночь спустилась над селом Богородским, в окрестностях Москвы. Летний сад, так называемый „Детский круг“, где любители, обыкновенно, дают спектакли и концерты, был переполнен публикой. Дачники спешили насладиться хорошей погодой, улыбнувшейся только к концу дождливого и холодного лета...»

Содержание

I	4
II	9
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Анастасия Вербицкая

Ночью

I

Тихая, тёплая и тёмная июльская ночь спустилась над селцом Богородским, в окрестностях Москвы. Летний сад, так называемый «Детский круг», где любители, обыкновенно, дают спектакли и концерты, был переполнен публикой. Дачники спешили насладиться хорошей погодой, улыбнувшейся только к концу дождливого и холодного лета.

На этот раз шла пьеса Островского «Поздняя любовь». Исполнители играли так дружно, с таким выдержанным ансамблем, с таким тонким пониманием и, что очень редко, знанием ролей, что хоть бы и не любителям. Особенно выделялась своей нервной игрой молодая женщина, названная в афише Петровой. Ни красоты у неё не было, ни свежести. Но каждый монолог её, каждый уход со сцены сопровождался шумными и искренними изъявлениями восторга: так талантливо воспроизводила эта Петрова симпатичный образ девушки, самоотверженно прожившей молодость в тяжёлом, беспросветном труде и вдруг захваченной жадой счастья и беззаветно отдающейся поздно вспыхнувшему чувству... тому чувству, перед которым бессильны мы, которое влечёт

нас на подвиг или преступление, которое зовётся страстью.

Как и всегда, среди публики, посещающей любительские спектакли, были зрители, которые пришли только ради танцев и нетерпеливо ждали, когда вся эта «дребедень» кончится. Но к концу пьесы таковых было уже немного. Разве какая-нибудь в пух и прах разодетая барышня просто-нет: «Скоро ли конец?..» Драма, развёртывавшаяся на подмостках – развитие страсти, властно вступившей в неравную борьбу с чувством долга и чести, эта вечно юная и интересная, несмотря на её вековую старость, повесть женского сердца, – и на этот раз захватила равнодушную толпу, приковала взор её к измученному лицу талантливой любительницы и заставила её разом как-то отрешиться от собственных забот и интересов, хотя на мгновение пережить чужую жизнь и страдать её болью.

– Никогда я не полагала, чтоб она могла так хорошо играть, – в антракте говорила красивая барыня своему пожилому толстяку-соседу. – Эта Вера Павловна так опустилась, от моды отстала... Как она одевается!.. Ужас!

– А вы близко знаете её?

– Н-нет... Раза два встречала у Ивановых, и то давно... Помню только, что она ни словом во весь вечер не обмолвилась... Я её за гувернантку приняла...

– Так-с... А вот я её в девушках знавал. Светлая была головка!.. И вот не тому я удивляюсь, откуда у неё искра Божие, а как сумела она сберечь её в такой жизни!

– А что? – любопытствовала барынька.

– Возьмите уж одно то, что росла она баловнем, единственной дочкой у отца. Хотя он одной только службой жил, но её растил как принцессу... И гимназия-то, и учитель музыки, и учитель рисования, и курсы драматические... Ни в чём отказу... И ко всему талант был... А теперь она сама – кухарка, сама – нянька двум детям, и бельё стирает, и полы моет.

– Oh! Quelle horreur!¹

– А главное – никогда ни одной жалобы, ни одного намёка... Э, да что говорить! Преклоняться надо перед такими женщинами... Где уж им за модами гнаться! Лишь бы душу живую сохранить!

Молодой человек, стоявший к ним в полуоборот и вдумчиво глядевший вдаль, при последних словах вдруг обернулся, и умное, гладко выбритое лицо его просияло. Его движение было так резко, что беседовавшие невольно оглянулись.

– Сергей Васильич!.. Вы!.. Какими судьбами?

– Отдохнуть в Москву собрался...

– И что же? Прямо с железной дороги к нам, на спектакль? Ха-ха!.. Сейчас театрала видно. А славно, батенька, играет Вера Павловна... Душевно...

– Не правда ли? – подхватил молодой человек, и у него даже глаза сверкнули. – Я в этой роли Стрепетову видел. Ну, та была лучше, – засмеялся он добродушно.

¹ Какой ужас (фр.)

– Кто это? – заинтересовалась барыня, лорнируя отошедшего молодого человека. – Актёр?

– Любитель... Некто Михайлов... В В*** секретарём управы служит...

– А-а... Какое интересное лицо! Я не узнала его... Как изменился, однако! Бывший поклонник и *ami de maison*² у Веры Павловны?

Толстяк досадливо крикнул.

– Э-эх, барыни, барыни!.. Как это вы все про чужие дела знаете?.. И что у вас за язычки!

Барыня звонко расхохоталась.

Последнее действие прошло, разыгранное, что называется, по нотам. Публика дружно вызывала исполнителей.

«Петрова solo³!..» – вдруг крикнул чей-то голос и тотчас же с увлечением был подхвачен другими.

Петрова вышла на сцену и глянула в толпу. На её кротком и, действительно, замученном лице как бы застыло тяжёлое воспоминание. Даже в эту минуту триумфа глаза глядели так же печально, и так же болезненно морщились тонкие брови. Она раскланивалась, медленно отступая вглубь сцены. Все движения её были тихи и скромны, словно движения монахини. Самый голос её, в драматические моменты хватавший за сердце даже «толстокожего» зрителя – такие она умела находить скорбные, звенящие слезами звуки, – этот голос в

² друг семьи (*фр.*)

³ только Петрова (*рус. ит.*)

обыкновенное время был тих и слаб, как у человека с разбитою грудью.

— Браво, браво, Петрова!

Она нерешительно остановилась под этим неумолкаемым гулом рукоплесканий, потом опять шагнула к рампе, и бледная улыбка на мгновение осветила её черты.

«Какие вы все глупые!.. И какие счастливые!..» — как бы говорило это лицо.

Михайлов стоял у самой эстрады и, сдвинув на затылок свою шляпу «котелок», потный и красный, с возбуждённо блестящими глазами, глядел вверх на Петрову и аплодировал с увлечением... Наверное, во всей публике не было никого, кто бы с таким волнением следил за каждым словом и движением Веры Павловны. Нечаянно Петрова скользнула по лицу Михайлова взглядом. Тотчас её тёмные глаза расширились и словно вспыхнули. Михайлов заметил это и высоко приподнял шляпу.

II

Публика, шумно смеясь и болтая, двигалась с большим трудом по немногим аллеям сада, освещённым разноцветными фонариками. Под навесом спешно разбирали стулья, чтоб очистить место для танцев. В крохотной беседке настраивался жалкий оркестр, готовясь исполнить армянский вальс.

– Петров, Петров идёт, – пробежало в публике.

Это был молодой и симпатичный брюнет, с гладко выбритым лицом (он тоже участвовал в спектакле), одетый хотя и небогато и неряшливо, но имевший, тем не менее, вид бари-ча. Он служил за пятьдесят рублей в одной из частных банкирских контор, но при этом умудрялся всегда участвовать в любительских спектаклях, всегда винтить и жить в своё удовольствие. Театрал он был страстный. Как все любители, и он считал себя большим талантом и с нетерпимостью относился к игре своих собратьев по искусству. Впрочем, он был, действительно, прекрасным комиком как на сцене, так и в жизни. Родом из старой дворянской разорившейся фамилии, он сохранил все врождённые инстинкты и привитые воспитанием замашки барства: его индифферентизм, себялюбие, заносчивость и беспечность. Он имел прекрасные манеры, хорошо говорил по-французски, отлично танцевал, был очень неглуп, хотя нигде не доучился, обладал большим

юмором, любил женщин и имел большой успех. Приходя куда-нибудь, он вносил с собой незлобивый смех и искреннее веселье. Немудрено, что его все любили, и все были с ним на *ты*. Это был какой-то Демокрит – l'homme qui rit⁴, смотрящий на жизнь с её казового конца; один из тех счастливцев, которых никто не видит унылыми, которые обладают великой мудростью – жить не задумываясь, наслаждаясь самым процессом жизни, беря от неё все радости, не требуя многого и не задаваясь непосильными задачами.

– Кого я вижу? Серёжа!.. Голубчик!.. Сколько зим!.. Ну, порадовал, могу сказать...

Они обнялись с Михайловым и звучно расцеловались, стоя в проходе, на глазах у всех. Это никого не шокировало. Богородское славится простотой своих нравов.

– А Веру видел?

– Нет ещё...

– Что же ты, братец?.. Она так рада будет! – вдруг лицо его приняло озабоченное выражение, старившее его. – Ну что, Серёжа? Как ты находишь? Верно я понял *Дермидонта*?

И ухватясь за пуговицу на пальто Михайлова, забывая спросить, как играла жена и другие исполнители, он начал защищать свою точку зрения относительно данного типа. Михайлов горячо заспорил, доказывая, что в игре комика были и шарж и отступления... Они увлеклись и почти кричали, страстно жестикулируя, с таким азартом, как будто от ре-

⁴ Человек, который смеется (*фр.*)

шения их спора зависели жизнь или свобода любого из них. Они познакомились лет семь тому назад, играя вместе в «Секретаревке» и «Немчиновке». Между ними ничего не было общего, кроме этой страсти к театру, сблизившей их. Если Петров был баричем с головы до ног, то Михайлов был плебеем и по рождению и по натуре, и, как плебей, сам себе пробивший дорогу, он был умён, скрытен, самолюбив, с характером и знал себе цену. Но жизнь его не баловала. Если Петров был Демокритом, *homme qui rit*, то Михайлов был Гераклитом, *homme qui pleure*⁵... Театр был страстью Михайлова. Он очень недурно играл и мечтал о сцене, как и Петров.

Оба они, шесть лет тому назад, влюбились в Веру Павловну, которая с громадным успехом подвизалась тогда в «Секретаревке». Но сердце Веры Павловны скоро сделало свой выбор. Михайлов молча стушевался и, совсем равнодушный по виду, в качестве шафера присутствовал на свадьбе товарища. Через полгода, когда Петров начал жить на улице или в гостях, по два дня иногда не заглядывая домой, Михайлов начал заходить к одинокой Вере Павловне, сперва редко, потом чуть ли не каждый день, под разными предложениями. Вера Павловна незаметно привязалась к Михайлову. Они вместе читали, спорили часами, вместе ходили за больными детьми, которые сильно полюбили Михайлова. Вместе пережили они неизбежные разочарования Веры Павловны, увлечения Пет-

⁵ Человек, который плачет (*фр.*)

рова на стороне, о которых сердобольные подруги приходили докладывать его жене. Свои слёзы Вера Павловна выплакала на плече своего друга.

Раз ночью они засиделись за книгой, над повестью чужого жгучего счастья.

Он закрыл книгу, и оба они забылись в тяжёлом молчании... Вот есть же люди, которые смеют любить, признаваться в своём чувстве!.. Есть счастливицы, которые смело бросают вызов судьбе, которые умеют завоевать своё счастье и постоять за него!

Есть и другие, что живут идеей, борются и гибнут за неё...

Где же они? И где, вообще, та жизнь, повышенная, полная тревоги, полная идейного содержания? Где эти краски жизни, блеск её, тончайшие оттенки чувств, эстетические радости? О Боже! Как тускло кругом после таких книг! Как бедна действительность! Как мучительно хочется забвения!..

Как во сне, Михайлов встал и протянул руки к Вере Павловне. Она не помнит, она и сейчас не может объяснить, какая стихийная сила потянула её к нему. Они не сказали ни слова. Но безумная жажда счастья горела в их побледневших лицах, в их жадных поцелуях.

Она очнулась первая и оттолкнула его.

– Нет, нет!.. Уйдите! – крикнула она, задыхаясь, прежде чем он сказал хотя слово. – Уйдите... Бога ради... Я не могу... никогда... никогда!

Он ушёл.

Три недели он не показывался к Петровым.

– Представь, Михайлов в В*** уезжает, – объявил как-то Петров жене. – Вот удивил-то! Совсем уезжает... И место нашёл... Вот чудак-то! Здесь дорога открывалась, а там сызнава на маленький оклад. Уверяет, что доктор велел из Москвы уезжать. Лёгкие у него не в порядке... Господи Боже мой!.. Жили-жили вместе столько лет, и вдруг лёгкие не в порядке... Как ты думаешь, Верочка? Врёт он или нет?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.